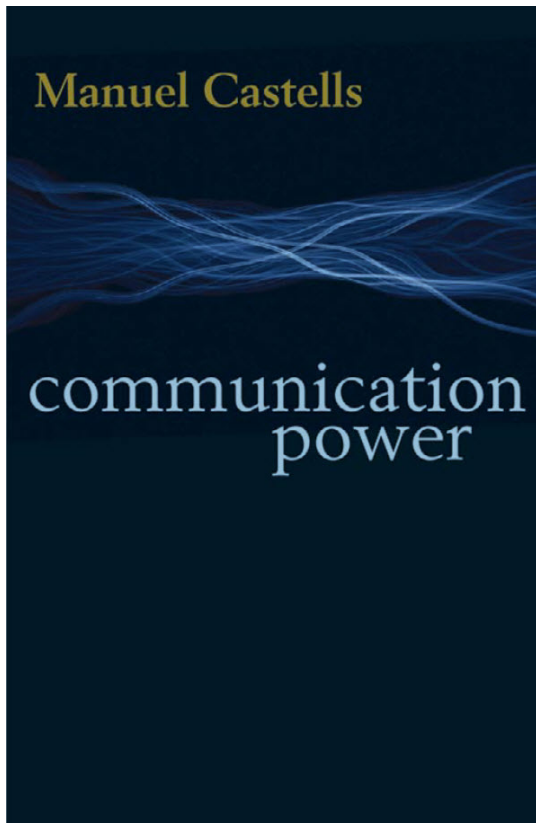

Castells M. Communication power. Oxford University Press Inc., New York, 2009.

Мануэль Кастельс написал очень хорошую книгу. Не то чтобы остальные были плохими, вовсе нет. Его книги всегда были хороши. Но нынешняя хороша особо. Она – о власти. Причем власть в понимании Кастельса очень близка к моему восприятию власти, и это одна из причин того, что книга мне понравилась. Итак, Кастельс пишет: "Моя рабочая гипотеза состоит в том, что самой фундаментальной формой власти является способность изменять человеческий разум". В этой рабочей гипотезе сконцентрированы и подход, и метод Кастельса, его исследовательский и, не побоюсь этого эпитета, гражданский код.

Книга настолько интересна и богата, что я пока не решился портить ее своей

рецензией, и взял на себя смелость опубликовать небольшой отрывочек в моем переводе-пересказе. Уж больно хорошо и понятно написано. Тем более, что полноценного перевода на русский этой книги Кастельса пока нет в природе.

Это идеи и мысли человека, выросшего при политической диктатуре Франко, участвовавшего в сопротивлении, исследовавшего современные общества, демократию и ее пределы в информационную эпоху.

Итак, во Введении к своей книге "Власть как коммуникация" Кастельс пишет примерно так:

"Мне было восемнадцать. Мое стремление к свободе наталкивалось на стены, которые диктатор возводил вокруг нашей жизни, моей жизни и жизни каждого из нас. Я написал статью в журнал Юридической школы - и журнал был закрыт. Я играл в «Калигуле» Камю - и нашу театральную группу обвинили в пропаганде гомосексуализма. Когда я включал приемник и пытался найти новости Би-би-си, я не мог ничего услышать сквозь искусственные радиопомехи. Когда я хотел прочитать Фрейда, я должен был идти в единственную библиотеку в Барселоне, где был доступ к его работам, и заполнить форму, объясняющую, зачем мне это надо. Про Маркса или Сартра или Бакунина можно было бы забыть, если бы я не поехал автобусом в Тулузу и не спрятал бы эти книги, пересекая границу, рискуя, в случае их обнаружения, быть обвиненным в доставке подрывной пропагандистской литературы. Вот почему я решил принять вызов этого удушающего, идиотского режима Франко и присоединился к подпольному сопротивлению. В то время в университете Барселоны сопротивление состояло только из нескольких десятков студентов, так как полицейские репрессии опустошили старую демократическую оппозицию, а новое поколение, родившееся уже после гражданской войны, только входило во взрослую жизнь. И все же, глубина нашего возмущения и обещания наших надежд давали нам силы для участия в предельно неравном сражении.

И я был там, в темноте кинотеатра в самой гуще рабочего класса, и был готов будить сознание масс, прорываясь через коммуникационные барьеры, в которые были заключены люди - или я верил, что это было так. У меня была пачка листовок в руке. Текст на них был очень неразборчивым, поскольку был напечатан на примитивном, ручном копировальном устройстве, наполненном фиолетовыми чернилами, которые

были единственным коммуникационным средством, доступным нам в опутанной цензурой стране. (У моего дяди, армейского полковника, была как раз такая должность: в качестве цензора он читал все книги – он и сам был писателем - и, кроме того, он просматривал все фильмы на предмет содержания эротических сцен, чтобы решить, что вырезать для массовой аудитории, а что сохранить для себя и своих коллег в церкви и армии.) Итак, я решил компенсировать сотрудничество своей семьи с силами тьмы распространением нескольких листовок бумаги среди рабочих, чтобы показать, как действительно плохо они живут (как будто они этого не знали), и призвать их к действиям против диктатуры, все время следящей за будущим ниспровержением капитализма, корнем всего зла. Идея заключалась в следующем: распределить листовки на пустых местах так, чтобы в конце сеанса, когда включаются огни, зрители взяли бы увидели и взяли эти листочки со смелое обращением от сил сопротивления, дающим людям достаточно надежды для участия в борьбе за демократию.

Я проделал это в семи кинотеатрах тем вечером, переезжая каждый раз в отдаленные места проживания рабочих, чтобы избежать обнаружения. Это было столь же наивно, как и избранная коммуникационная стратегия, но это не была игра ребенка, потому что задержание означало бы неминуемое избиение полицией и вероятное попадание в тюрьму, что и произошло с несколькими из моих друзей. Но, конечно, мы получали удовольствие от нашей удали, надеясь избежать наказания за нее. Когда я заканчивал свою революционную акцию (их было много, пока все не завершилось моей высылкой в Париж два года спустя), я звонил своей подруге, и она гордилась мной, потому что слова, которые я передал, могли изменить хотя бы несколько умов, которые далее могли, в конечном счете, изменить мир. Я очень многого не знал тогда. Не то, чтобы я знаю существенно больше теперь. Но я не знал тогда, что сообщение эффективно, только если принимающий готов к нему (большинство людей тогда не было готово), и если посылающий сообщение является знакомым и надежным. Я не знал тогда, что Фронт рабочих Каталонии (95 процентов которого были студентами) не был столь же серьезным брендом, как коммунисты, социалисты, каталонскими националисты, или любая из основных партий, во многом, потому что мы хотели от них отличаться - мы искали свою идентичность как первое послевоенное поколение.

Таким образом, я сомневаюсь, что мой фактический вклад в испанскую демократию был равен тем ожиданиям, которые у меня были. И все же, социальные и политические изменения всегда, везде и во все времена, произрастали из несметного числа бескорыстных действий, иногда даже бесполезных, но героических (мой, конечно, не был таковым), на грани того, чтобы быть в какой-то степени эффективными: капли непрекращающегося ливня борьбы и жертв, в конечном счете, заполняют крепостные рвы угнетения, барьеры коммуникации между неперескающимися одинокими людьми начинают рушиться и публика превращается в политическую нацию, заявляющую: «мы, народ...». В конце концов, какими бы наивными не были мои революционные надежды, у меня было и понимание сущности происходящего. Почему политический режим

закрывает каждый возможный канал коммуникации, находящийся вне его контроля, словно именно цензура и есть главный залог увековечивания этой власти? Почему Министерства образования в разных странах, тогда и теперь, настаивают на необходимости единого учебника по истории в школах, а в некоторых странах добиваются того, чтобы боги (только подлинные!) снисходили в школьные классы? Почему студенты должны бороться за свободу слова; профсоюзы – за то, чтобы разместить информацию об их компании (когда-то - на рекламном щите, теперь на веб-сайте); женщины – за то, чтобы создавать женские книжные магазины; подчиненные нации – за то, чтобы общаться на своем собственном языке; советские диссиденты – за то, чтобы распространять самиздат; афроамериканцы в США и жители колоний во всем мире – за то, чтобы им позволили просто читать? То, что я ощущал тогда, и вот что верю теперь – это то, что власть основана на контроле над коммуникацией и информацией, будь это супервласть государства и медиакорпораций или микровласть организаций всех видов. Итак, моя борьба за свободную коммуникацию, мой примитивный блог, написанный фиолетовыми чернилами, были действительно актом неподчинения, и фашисты, с их точки зрения, были правы, пытались нас поймать и отключить, таким образом, закрывая каналы, соединяющие отдельные умы с общественным мнением. Власть - больше чем коммуникация, и коммуникация - больше чем власть. Но власть основывается на контроле коммуникации, в то время как те, кто противостоит власти, зависят от слома такого контроля. И массовая коммуникация, коммуникация, которая потенциально распространяется на общество в целом, сформирована и управляется властными отношениями, внедренными в медиа-бизнесе и политике государства. Власть над коммуникациями лежит в основе структуры и динамики общества.

Собственно, это и есть предмет данной книги. Почему, как, и кем с помощью управления коммуникационными процессами конструируются и реализуются властные отношения, и как эти властные отношения могут быть изменены социальными акторами, стремящимися к социальным изменениям через влияние на общественное мнение. Моя рабочая гипотеза состоит в том, что самой фундаментальной формой власти является способность изменять человеческий разум. То есть то, как мы чувствуем и думаем, определяет то, как мы действуем, индивидуально или коллективно. Да, конечно, мы знаем, что принуждение и способность применить законно или незаконно являются важнейшим источником власти. Но одно только принуждение не может поддерживать устойчивую власть. Способность обеспечить согласие, или, по крайней мере, породить страх и усмирение противников существующего порядка, необходимы для того, чтобы поддерживать правила, с помощью которых управляются институты и организации общества.

Эти правила, в свою очередь, во всех обществах проявляются как властные взаимоотношения, включенные в институты как результат процессов борьбы и компромиссов между конфликтующими социальными акторами, которые мобилизуются

для выражения своих интересов под флагом своих ценностей. Более того, процессы институционализации норм и правил и вызов этим самым нормам и правилам со стороны акторов, не ощущающих адекватного представительства в работе системы, происходят одновременно, в постоянном движении воспроизводства общества и производстве социальных изменений. Если фундаментальная битва по поводу определения общественных норм и применение этих норм в повседневной жизни формируют человеческий разум, то коммуникация находится в центре этого сражения. Именно потому, что человеческий разум взаимодействует со своей социальной и окружающей средой посредством коммуникации. Процесс коммуникации осуществляется в соответствии со структурой, культурой и коммуникационными технологиями в данном обществе. Коммуникация, безусловно, лежит в центре процесса как конструирования властных отношений, так и вызова этим властным отношениям, в каждой области социальной практики, включая политическую сферу.

Анализ, представленный в этой книге, направлен на одну определенную социальную структуру: сетевое общество, то есть социальная структура, которая характеризует общество в начале двадцать первого столетия, социальная структура, построенная вокруг цифровых сетей коммуникации (хотя полностью и не определяемая ими). Я утверждаю, что процесс формирования и осуществления властных отношений окончательно преобразовался в новый организационный и технологический порядок, вырастающий из быстрого развития глобальных цифровых сетей коммуникации как фундаментальной системы обработки символов в настоящее время. Поэтому анализ властных отношений требует понимания специфики форм и процессов социализированной коммуникации, которая в сетевом обществе означает и мультимодальные средства массовой информации и интерактивные, горизонтальные сети коммуникации, построенные вокруг Интернета и беспроводной связи. Действительно, эти горизонтальные сети делают возможным развитие того, что я называю массовой самокоммуникацией, коренным образом увеличивая автономию и независимость коммуницирующих субъектов от коммуникационных корпораций, поскольку пользователи становятся и отправителями и приемниками сообщений.

Однако, чтобы объяснить, как посредством коммуникационных процессов конструируется власть внутри нашего рассудка, мы должны пойти дальше вопросов, как и кем порождаются сообщения в процессе создания власти, и дальше процессов передачи/форматирования сообщений в электронных сетях коммуникации. То есть мы должны понять, как сообщения обрабатываются в нейронных сетях мозга. Специфические формы взаимосвязи между коммуникационными сетями и значением в нашем мире, с одной стороны, и коммуникационными сетями и значением внутри нашего разума, с другой, позволяют, в кончено счете, отождествлять механизмы формирования власти.

Это исследовательская повестка высокого порядка. Несмотря на многие годы, которые я посвятил данному интеллектуальному проекту, я, конечно, не претендую на то, чтобы давать категорические ответы на поставленные вопросы. Моя цель, в достаточной мере амбициозная, состоит в том, чтобы предложить новый подход к пониманию власти в сетевом обществе. И, как необходимый шаг к этой цели, определить структуру и динамику коммуникации в нашем историческом контексте. Чтобы обосновать теорию власти в сетевом обществе (что для меня равнозначно созданию теории коммуникационной власти), я сосредоточу свои усилия на изучении текущих процессов утверждения политической власти и контр-власти, используя доступные научные исследования в данной сфере и многочисленные примеры в разнообразных социальных и культурных контекстах. Однако, мы знаем, что политическая власть – это только одно измерение власти, поскольку властные отношения строятся как сложные взаимодействия между различными сферами социальной практики. Таким образом, Итак, мой эмпирический анализ будет неизбежно неполным, но я надеюсь побудить к развитию подобную аналитическую перспективу для исследования других измерений власти в таких сферах как культура, технология, финансы, производство или потребление.

Признаюсь, что выбор политической власти в качестве главного объекта моего исследования во многом был предопределен существованием значительного количества научных работ, в которых в последние годы исследовалась связь между коммуникацией и политической властью в рамках когнитивных исследований, коммуникационных исследований, политической психологии и политической коммуникации.

В этой книге я совмещаю свой социально-политический анализ и свое исследование коммуникационных технологий с работами ученых, изучающих взаимодействие между интеллектом и политической властью, с целью сформировать основу наблюдения, которое могло бы обеспечить релевантность такого междисциплинарного подхода. Я исследовал источники властных политических отношений в нашем мире, пытаюсь увязать структурную динамику сетевого общества, трансформации коммуникационных систем, взаимодействие познания, чувств и политического поведения, а также исследование политики и общественных движений в разнообразных контекстах. Эта программа лежит в основе этой книги и читатель уже может оценить ее потенциальную полезность для себя. Я продолжаю считать, что теории - только разовые инструменты в системе производства знания, предназначенные судьбой для того, чтобы быть замененными, или отброшенными за ненужностью, или, к счастью, в нашем случае, сложенными в усовершенствованную аналитическую структуру, разработанную кем-то в научном сообществе для того, чтобы воспринять наш опыт социальной власти.

Для облегчения коммуникационного процесса между нами, я обрисую в общих чертах

структуру и последовательность частей этой книги, которые, по моему мнению, следуют за логикой того объяснения, которое я только что представил. Я начинаю с определения того, как я понимаю власть. Таким образом, в первой главе я пытаюсь разъяснить значение власти, предлагая некоторые элементы теории власти. Для этого я использую некоторые классические социологические теории, из тех, которые я считаю релевантными и полезными для поставленных вопросов. Это - конечно, только фрагменты из теории власти, и это никоим образом не должны быть поняты как попытка занять какое-то значимое место в теоретических дебатах. Я не пишу книги о книгах. Я использую теории, и любую теорию, так же, как я надеюсь, моя теория будет кем-то использована: то есть как набор инструментов для понимания социальной реальности. Таким образом, я использую то, что мне кажется полезным, и не рассматриваю то, что непосредственно не связано с целью моего исследования, и это относится к большому количеству работ по теории власти. Поэтому, я не намереваюсь способствовать вырубке лесов нашей планеты, издавая печатную работу для критики других книг, которые, несмотря на их интеллектуальную элегантность или политические интересы, не находятся в сфере моего исследования. Более того, я концентрирую свое понимание властных отношений в нашем типе общества, которое я рассматриваю как сетевое общество, являющееся для Информационной эпохи тем же, чем индустриальное общество являлось для эпохи Индустриальной. Я не буду вникать в детали своего анализа сетевого общества, так как я посвятил этому целую трилогию несколько лет назад [\[1\]](#). Однако, в первой главе я переработал основные элементы моего осмысления сетевого общества в той мере, в какой они касаются понимания властных отношений в нашем новом историческом контексте.

После определения концептуальных оснований анализа власти, во второй главе я перехожу к анализу коммуникации на близких аналитических подходах. Дойдя до коммуникации, я двигаюсь дальше, эмпирически исследуя структуру и динамику массовых коммуникаций в условиях глобализации и развития цифровых технологий. Я анализирую и средства массовой информации, и горизонтальные сети интерактивной коммуникации, сосредотачиваясь и на их различиях и на их пересечениях. Я также изучаю трансформацию медиа-аудитории, от получателей сообщений к отправителям/приемникам сообщений, исследуя отношения между этим преобразованием и процессом культурных изменений в нашем мире. Наконец, я выделяю властные отношения, включенные в систему массовой коммуникации, и в сетевую инфраструктуру, от которой зависит коммуникация, и также изучаю связи между бизнесом, медиа и политикой.

Показав структурные детерминанты отношений между властью и коммуникацией в сетевом обществе, я несколько изменяю перспективу своего анализа и перехожу от структур к действующим лицам. Если власть работает, воздействуя на человеческий разум посредством передачи сообщений, мы должны понять, как человеческий разум обрабатывает эти сообщения, и как эта обработка влияет на политическую сферу. Это

ключевой аналитический переход в этой книге, и, возможно, один из тех элементов в исследовании, который потребует большого усилия со стороны читателя (что пришлось сделать и мне со своей стороны), потому что политический анализ только начинает объединять структурную детерминацию с познавательными процессами. Я пустился в это сложное рискованное предприятие не ради моды. Я сделал это, потому что я обнаружил довольно большой корпус научной литературы, в которой представлены экспериментальные исследования процессов индивидуального принятия политических решений с точки зрения отношений между умственной деятельностью, метафорическим мышлением и созданием политических образов. Не принимая ограниченности некоторых из этих экспериментов, я думаю, что исследования в рамках школы эмоциональной рассудочности и другие работы по политической коммуникации, обеспечивают наиболее необходимый переход между социальной структуризацией и индивидуальных процессов во властных отношениях. Научные основы для большей части данного исследования могут быть найдены в новых открытиях нейробиологии и когнитивных исследований, что представлено, например, в работах Антонио Дамасио (

Antonio

Damasio

), Ханны Дамасио (

Hanna

Damasio

), Джорджа Лакоффа (

George

Lakoff

) и Джерри Фельдмана (

Jerry

Feldman

)

[\[2\]](#)

. Таким образом, я увязываю свой анализ отношений между коммуникацией и политической практикой в этих теориях с эмпирическими доказательствами в области политической психологии, которая может быть лучше понята с точки зрения нейронаук, например, как в работе Дрю Вестена (

Drew

Westen

)

[\[3\]](#)

.

Так как у меня нет каких-то особых специальных знаний в этой области, в третьей главе я попытался с помощью моих коллег представить анализ определенных отношений между чувствами, познанием и политикой. Затем я соотношу результаты этого анализа с тем, что коммуникационные исследования знают о создании условий политической коммуникации социальными и политическими акторами, которые сознательно вторгаются в сферу масс-медиа и других коммуникационных сетей, продвигая свои

интересы через такие механизмы, как формирование повестки дня, фрейминг, продвижение новостей и других сообщений. Для иллюстрации потенциальной объяснительной ценности этой перспективы и для упрощения ее сложности, я предпринимаю в третьей главе эмпирический анализ процесса дезинформации американской общественности администрацией президента Буша относительно войны в Ираке. Я делаю это в надежде показать практические политические результаты сложного аналитического подхода. Эти процессы сложны, но результаты таких процессов просты и логически обусловлены, так как именно коммуникационные процессы внедрились фрейм «войны с терроризмом» в умы миллионов людей, вызвав культуру страха в нашей жизни.

Таким образом, первые три главы этой книги неразрывно связаны друг с другом именно потому, что понимание формирования властных отношений с помощью коммуникации в сетевом обществе требует интеграции трех ключевых компонентов общего процесса, исследуемых в каждой из глав:

- структурные детерминанты социальной и политической власти в глобальном сетевом обществе;
- структурные детерминанты процесса массовой коммуникации в организационных, культурных, и технологических условиях нашего времени;
- когнитивные процессы обработки сигналов, предоставляемых коммуникационными системами человеческому разуму, в той их части, в какой они касаются политической составляющей социальных практик.

Теперь я могу перейти непосредственно к эмпирическим исследованиям, которые будут использовать понятия и результаты первых трех глав, являющихся теоретической основой этой книги. В четвертой главе представлены объяснения и обоснования того, почему в сетевом обществе политика - прежде всего, медиа-политика, сконцентрированная на политике скандала, а также показана связь результатов анализа с международным кризисом политической легитимности, бросающим вызов самому смыслу демократии в значительной части современного мира. В пятой главе исследуется то, как общественные движения и агенты политических изменений развиваются в нашем обществе через перепрограммирование коммуникационных сетей, таким образом обретая способности передавать сообщения, которые вводят новые

ценности в головы людей и рождают надежды на политические изменения.

Обе главы будут иметь дело со специфической ролью масс-медиа и горизонтальных коммуникационных сетей, так как медиа-политика и общественные движения используют оба вида сетей, и поскольку медиа-сети и интернет-сети взаимосвязаны. Тут же будет проверено мое предположение о том, что чем больше с помощью коммуникационных технологий обеспечена автономия пользователей, тем больше шансов, что новые ценности и новые интересы войдут в сферу социализированной коммуникации, вовлекаясь в общественное мнение. Таким образом, развитие массовой самокоммуникации, как я называю новые формы сетевой коммуникации, увеличивает возможности для социальных изменений, однако, не определяя содержание и цели таких социальных изменений. Люди, то есть мы, являются в одно и то же время ангелами и демонами, и таким образом, наши растущие способности действовать и изменять общество будут проецироваться через то, кем мы являемся в том или ином временном и пространственном контексте.

Рассмотрев серию эмпирических исследований, я буду основываться на доступных источниках, в том числе и на моих собственных примерах, из весьма различных социальных, культурных и политических контекстов. Однако, большинство материала этой книги касается, прежде всего, Соединенных Штатов Америки, по той простой причине, что в этой стране было проведено довольно много научных исследований по теме данной книги.

Однако я убежден, что аналитическая перспектива, выдвинутая в этой книге, не контекстно-зависима, и могла бы использоваться для понимания политических процессов в различных странах, включая развивающиеся. Такой вывод возможен, потому что сетевое общество глобально, так же как глобальные коммуникационные сети, а основные характеристики познавательных процессов человеческого разума - универсальны, хотя и с некоторыми различиями в культурных формах их проявлений. В конце концов, властные отношения - основополагающие отношения общества на протяжении всей истории, определяющие культуру и даже географию. И если властные отношения создаются внутри человеческого разума посредством коммуникационных процессов (что и пытается продемонстрировать эта книга), то эти скрытые связи могут быть исходным кодом человеческого существования.

И вот в кинотеатре зажигаются огни. Помещение медленно освобождается, зрители двигаются от образов на экране к образам их собственной жизни. Вы стоите в очереди к выходу, любому выходу, куда угодно. Возможно, некоторые слова из фильма все еще

звучат в вашей голове. Например, такие слова, которыми заканчивается *Фронт (The Front)*, 19

76) Мартина Ритта (Martin Ritt

), особенно слова Вуди Аллена, сказанные маккартистам: «Послушайте... я не признаю права этого комитета задавать мне подобные вопросы... И, кроме того..., идите вы все к черту!»

[\[4\]](#)

. Затем образ Аллена, на которого надевают наручники и ведут в тюрьму. Власть и вызов этой власти. И поцелуй девушки. В наручниках - но свободный и любимый. Вихрь образов, идей, чувств.

И вот, внезапно, вы видите эту книгу. Я написал ее для вас и оставил тут, чтобы вы могли ее найти. Вы замечаете красивую обложку. Коммуникация. Власть. Это может вас заинтересовать. И раз вы читаете эти слова - это сработало. Но я не говорю вам, что надо сделать. Этому я научился в своем долгом путешествии. Я воюю на своей войне; я не призываю других делать это для меня или даже со мной. Однако, я говорю свои слова, слова, исходящие из опыта моей деятельности и моей профессии социального исследователя. Слова, которые, в данном случае, рассказывают вам о власти. То есть, о власти в мире, в котором мы живем. И это - мой путь, мой единственный реальный способ бросить вызов власти, раскрывая истинную сущность ее присутствия в деятельности нашего разума".

[\[1\]](#) Castels M. End of Millennium, 2nd edn. Oxford: Blackwell, 2000 (first edition 1998); Castels M. The Rise of the Network Society, 2nd edn. Oxford: Blackwell, 2000 (first edition 1996); Castels M. The Power of Identity, 2nd edn. Oxford: Blackwell, 2004 (first edition 1997).

[\[2\]](#) См. например: Damasio A. Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the Feeling Brain. Orlando, FL: Harcourt. 2003; Lakoff G. The Political Mind: Why You Can't Understand 21st-century Politics with an 18th-century Brain. New York: Viking. 2008. (прим . переводчика

).

[3] См. например: Westen D. The Political Brain: The Role of Emotion in Deciding the Fate of the Nation . New York: Public Affairs.2007. (прим. переводчика).

[4] В советском прокате фильм шел как «Подставное лицо». Фильм 1976 года, драма по режиссёра Мартина Ритта по сценарию Уолтера Бернштейна. Действие фильма происходит в США в начале пятидесятих годов. Альфред Миллер - талантливый сценарист работающий для телевидения, попадает в чёрный список лиц, сочувствующих коммунистическим идеям и становится безработным. Миллер вынужден обратиться к своему приятелю Ховарду и предлагает тому стать подставным лицом, от имени которого будут писаться сценарии.

Время действия фильма - время публичных процессов, доносов, арестов, черных списков, прослушивания телефонов, всеобщей истерии, поисков шпионов. Это время расцвета пресловутого комитета по анти-американской деятельности созданного в 1938.

Сценарист фильма, Уолтер Бернштейн, член Коммунистической партии США с 1946 года, был также занесен в черный список в 1950 году. Сюжет этого фильма - это во многом его личная история. После занесения в черный список и оказавшись без работы, он смог продолжить написание сценариев для Голливуда через подставных лиц. Фильм поднимает "вечный" вопрос, как оставаться человеком находясь под давлением.

(Примечания переводчика-пересказчика).

В общем, серьезная рецензия, а точнее, размышления по поводу книги Кастельса - еще впереди. И я был бы рад, если бы я размышлял над этим не в одиночку. Присоединяйтесь!

Код Кастельса

Автор: Роман Евстифеев

11.08.2013 17:00 - Обновлено 11.08.2013 17:45

Р. Евстифеев